

В Америке

«...Мы несем рядом с красным знаменем — пальмовую ветвь мира»... Эти слова Константина Сергеевича Станиславского я вспоминаю непрестанно с тех пор, как Никита Сергеевич Хрущев уехал в Соединенные Штаты Америки. Его благородная миссия мира, открытая сердечность и добрые намерения как-то удивительно гармонично сливаются с самыми глубокими и большими мыслями лучших людей искусства, советского искусства.

Его гуманизм, стремление сделать все от него зависящее, чтобы люди жили в мире и согласии, в мире красоты, в мире, не знающем страха и нужды, — на всей земле воспринимаются как одно из бесчисленных свидетельств чистоты и бескорыстия усилий советских людей, направленных к достижению всеобщего счастья. Человечность советской культуры, ее взлет, проявляющийся и в малом, и в большом — достижениях наших театров и покорении космоса, — встречает не только признание на любом континенте, но рождает желание дружить с нами, познать душу нашего народа — умного, доброго, могучего и скромного.

Это желание мы видели на каждом шагу и в Америке, где так недавно и так успешно гастролировал русский советский балет. И сейчас, когда все взоры устремлены за океан, туда, где в дружеских беседах и горячих спорах, вероятно, рождается единая, столь необходимая всем точка зрения на судьбы нашей планеты, — естественно, что в сердце каждого из нас возникает воспоминание об Америке — те лучшие впечатления, которые мы получили в этой многоголкой, разнообразной, деятельной стране, населенной умным, изобретательным, простым и добродушным народом. Ему нужен, жизненно необходим мир. Так же, как нам. Он, так же, как мы, стремится к работе, творчеству, бесхитроостному и естественному для каждого человека счастью — к жизни, лишенной волнений о ближайшем и более далеком будущем. Вот та главная общность наших взглядов, по сравнению с которой все остальное — мелочь. Это главное и самое отрадное впечат-

ление об Америке сложилось на протяжении многих дней общения с самыми разными людьми.

...Одна из самых приятных встреч произошла в Нью-Йорке. В этом штате во главе здравоохранения стоит женщина-врач, известный биолог Баумгартнер.

Она бывала в СССР с делегацией своих коллег, видела спектакли Большого театра, приглашала нас к себе в гости, в Америку. Приглашение было повторено, едва мы приехали в США, и, конечно, с радостью приняли нами. У нее оказались чудесная семья и милый дом, расположенный далеко от центра, в одном из старейших районов города — нечто вроде нашего Арбата. В тихом переулке, где нет автомобильного движения и стоят небольшие, узенькие двух- и трехэтажные дома с прелестными зелеными палисадниками во внутренних дворах, было прохладно и спокойно. Приятельница хозяйки дома, тоже врач, хирург, усадила всех нас в свою маленькую машину и повезла по Нью-Йорку.

В деловом районе — Сити — мы побывали в гостях еще у одного научного работника — знакомого наших новых друзей. Его кабинет — на сорок восьмом этаже. А с этой высоты открывалась прекрасная панорама огромного города, где в причудливом, порой прямо-таки фантастическом смещении предстает прекрасное и уродливое. Перед нами расстилалась гладь залива, похожего на огромное затуманенное зеркало; статуя Свободы, которая снизу казалась грандиозной, отсюда представляла, как маленькая точка; переплетающиеся в бесконечности авеню и стриты казались лабиринтом...

Как всегда, реальность была интересней самых интересных легенд: рассказы наших спутников о прошлом и настоящем их родного города, о его возможном («конечно, если не будет войны!») будущем раскрывали еще одну, чрезвычайно понятную и симпатичную нам

черту американцев: любовь к своей земле и к своему дому, желание сделать все, чтобы дом их был светлым, просторным, удобным и спокойным для всех...

На встрече со студентами, изучающими русский язык и русскую литературу в университете, мы могли убедиться в том же. Они говорили о своих занятиях, о своей стране, как патриоты. И так как всякое настоящее чувство всегда широко и богато высшим духовным богатством, любовь молодежи к своему университету, к науке сказывалась и в том, что они ратовали за дружбу и усиление духовных контактов с нашей страной и выражали радость по поводу нашего приезда с искренностью, которую невозможно было поставить под сомнение. После встречи в большой аудитории, где представители профессуры и учащиеся обменялись очень теплыми словами с директором Большого театра профессором Г. А. Орвидом, в соседней комнате был организован импровизированный чай для русских гостей. Едва мы вошли в эту комнату, нас окружила такая плотная стена молодежи, я увидела столько сияющих дружелюбных глаз, столько протянутых рук с записными книжками для автографов и просто для рукопожатий, что уже было не до чая. Мы не жалели о том, что не пили его: ни одна влага в мире не сравнится с радостью, которую приносит общение с людьми, чьи сердца открыты для дружелюбия...

Его проявления были бесчисленны. О приеме наших спектаклей и концертов, о сверхбушной, восхищенной реакции публики, о тысячных толпах у артистических подъездов вы знаете. Но с чем сравнить встречи случайные, говорившие тем больше, что они не были непосредственно связаны с твоими «сценическими перевоплощениями», а адресовались к тебе просто, как к человеку?

...Идешь по улице днем. Все вокруг спешат (американцы вечно в бегах: это им, наверно, даже мешает наслаждаться всем тем, что они добывают себе в этих бегах), но вдруг кто-то подходит к тебе сзади, со свойственной этому народу непринужденностью хлопает по плечу. Остановившаяся, шокированная, и тут же «оттаиваешь»: на тебя смотрят такие добрые глаза, ты видишь такую открытую

улыбку, слышишь такие радостные интонации слов, что они сразу становятся понятными. Человек рад, что узнал русского человека, пожал ему руку, сказал о своем восхищении русским искусством и страной, которая такое искусство породила... Кроме того, часто слышишь и русские слова (в Америке немало людей говорит по-русски), и едва ли не все знают слова «мир» и «дружба»...

Хозяева маленьких лавок в Нью-Йорке и Лос-Анжелесе, расположенных неподалеку от отелей, где мы жили, не закрывали свои магазинчики допоздна, ожидая нас после спектаклей. Здесь можно было купить все: фрукты, ветчину, хлеб. Хозяин — он же продавец — встречает тебя как самого дорогого гостя, его улыбка совсем не похожа на заученную, он быстро, с удивительно приятной готовностью выполняет любые просьбы. Разумеется, все это ему выгодно. Но в этом же сказывается и его расположенность к русским, и это делает общение с ним приятным вдвойне.

Лос-Анжелос встретил нас тем же дружелюбием, что и Нью-Йорк. Только синь небес и океана, сверканье солнца, мягкость и чистота воздуха, улицы в обрамлении пальм и цветов, напоминающие Сочи, усугубляли радость встречи, ощущение полноты жизни. Правда, тут среди этой красоты как-то особенно грустно сталкиваться с неуверенностью людей в завтрашнем дне.

Почти каждый знает, что любое следующее утро может для него начаться с потери работы. Поэтому люди подчас стараются не думать, забываются, спешат как можно больше: ведь если на минутку остановиться и спросить себя: «Зачем эта спешка, эта погоня за благополучием и что же дальше — во имя чего все напряжение жизни?» — то ответ чаще всего выйдет растерянным, расплывчатым, порой безнадёжным.

Мы слышали эти ответы, и нам становилось грустно. Тяжкое дыхание пессимизма пронизывает даже искусство. Здесь часто сталкиваешься с бесперспективностью,

горем, смертью. Конечно, наши спектакли, верные правде жизни, не избегают темы смерти. Но для нас смерть предстает в своем возвышенном и просветленном значении, она всегда как бы не закрывает книгу, а переворачивает ее страницу, за которой — новый рассказ, новое творчество человека. Смерть на тамошней сцене, экране, даже эстраде — это всегда точка, черная грань, за которой нет ничего. И в этом смысле искусство отражает жизнь, мирозерцание, взгляды людей.

Они прячутся за бессмыслицу абстрактной живописи или бессодержательного балета: таково одно из средств уйти от тягостных размышлений о жизни, о ее бесперспективности. Я глубоко убеждена, что изменишь жизнь, появишься в ней ясность, уверенность каждого человека в своем личном благополучии, в безопасности своих детей, в постоянном заработке, одним словом, появившись уверенность в прочном мире, избавленном от угроз войн и уничтожения, озаренном радостью свободного творческого труда, — и изменится искусство: оно станет светлым, жизнеутверждающим, помогающим людям идти вперед.

Быть может, я выражаю свою мысль несколько прямолинейно. Но ведь мне необходимо было высказать ее, эту мысль, которая родилась у меня в Америке и которая сейчас, когда там происходит историческая встреча руководителей двух крупнейших государств, направленная к утверждению мира во всем мире, непрестанно возвращается ко мне, и всякий раз с новой силой.

Я так уверена в своей правоте еще и потому, что все виденное мною в Америке говорит об огромном таланте ее людей, мастеров ее искусства — об их прямо-таки неисчерпаемом творческом потенциале, а талант и пессимизм, на мой взгляд, «две вещи несовместные», как «гений и злодейство»...

С древних времен сохранилось в Америке народное искусство индейских племен. На ежегодном тор-

жище в Лос-Анжелесе, куда съезжаются народные художники, мне привелось видеть прекрасные изделия из кожи, соломы, дерева. Их отличительная особенность — хороший вкус, изящество, совершенство формы. По естественности, бесхитростной простоте и истинной красоте эти вещи напоминают очарование нашей вятской игрушки, вологодских кружев, украинской майолики. И в этом «родстве душ» наших народов тоже хочется видеть залог того, что они могут понять друг друга. У людей с испытующим орлиным взглядом до синевы черных глаз из далеких вигвамов найдется много общего с теми, кто живет в кавказских саклях или украинских хатах.

В профессиональном искусстве Америки так много хорошего, и главное не в количественном, а в качественном отношении, что оно, безусловно, способно великолепно развиваться, избавляясь от всех своих мрачных черт.

Совершенное, отточенное мастерство балерин и танцовщиков из труппы Джорджа Баланчина, с которой я познакомилась, присутствуя на их репетиции, способно, конечно, создавать вещи куда более значительные и глубокие, чем то, что они показывают сегодня.

Замечательное мастерство артистов, показывающих в течение нескольких сезонов современную трагедию «Вест Санд Стора», напоминающую «Ромео и Джульетту», говорит о столь высокой артистической культуре, что от нее можно ждать подлинного обновления американского драматического театра.

Игра, напряженный и стремительный темпоритм (совершенно забытый в наших драматических театрах) спектакля не только восхищают. Они говорят о том, что нашим театрам более чем полезно взаимное узнавание, взаимное обогащение творческими приемами. Так на каждом шагу, все снова и снова, приходили мы в Америке к мысли о содружестве, ибо только оно способно принести радость и пользу искусству и тем, для кого оно создается.

Эту мысль высказывали и прогрессивный американский писатель Альберт Кан, и его жена — талантливый скульптор, с которыми мы встречались в Сан-Франциско.

Милая, приветливая чета показывала нам город, омываемый лазурными волнами океана. Горные цепи и густые леса гигантских деревьев в ущельях; крутые террасы улиц, уступами спускающиеся к побережью; огромный район, населенный китайцами и живо напоминавший чудесную живописность Южного Китая; рыбаки, приплывающие ранним утром на шхунах, лодках, баркасах, моторках на свой рынок, где вся океанская живность трепещет, копошится, играет чешуей на солнце и словно просится к вам в руки...

На берегу отдаленной и живописной лагуны, где особенно тихо, живут артисты, писатели, художники. Здесь нет утомительной суеты, здесь царит покой, что так необходимо для творчества.

Мы попали сюда в час обеда. В маленьком ресторанчике, необыкновенно простом, уютном и тихом, царила какая-то дачная, спокойная атмосфера. Когда освободился столик, даже не покрытый скатертью, но очень чистый, мы устроились на простые скамьи вокруг него и вдруг услышали музыку Глинка. Потом раздалось задорное русское «Яблочко» Глиэра. Радиола возвещала, что здесь — русские. Мы восприняли и этот знак внимания как улыбку приветия американцев.

Улыбки, открытые сердца, надежды на доброе будущее встречали нас повсюду — среди просторов широко раскинувшегося Лос-Анжелоса и на стройных, как в Ленинграде, проспектах Вашингтона. Красавец-город произвел на нас огромное впечатление, хотя мы были там очень недолго. Но нам хватало времени, чтобы и здесь почувствовать доброжелательность американцев.

И поэтому мы уезжали из Америки с верой в то, что добрая воля восторжествует. Сейчас и навсегда!